

ОПЫТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА СЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ «ЛЮБИМЫЙ», «ДРУГ» В ОСЕТИНСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Э.Т. Гутиева

Географическое соседство сарматов-аланов с тевтонцами на континенте, объединение носителей иранских и германских языков для многочисленных военных походов и захватнических экспедиций должны были приводить к многоуровневому взаимовлиянию этих языков в период античности и раннего Средневековья. Это обусловило то, что некоторые явления следует рассматривать не в контексте генетического родства данных индоевропейских языков, а в свете позднейших языковых контактов. Фонетическое и семантическое сходство между осетинской *лымæн* / *лутæн* и английской лексемой *leman* в отсутствие параллелей в других индоевропейских языках позволяют предполагать факт сепаратного заимствования. Большой возраст осетинской лексемы, ее более широкий семантический объем, исторические данные о времени и формах контактов между предками носителей обоих языков указывают на возможность заимствования английским языком слова *leman* из сарматского, аланского. Кроме того серьезным аргументом в пользу заимствованного характера английского слова *leman* является нарушение узувального морфологического регламента для слов со словообразовательным элементом *-man* и развитие им регулярной формы множественного числа *lemans*. Данное обстоятельство не позволяет согласиться с традиционной трактовкой слова *leman* как результата словосложения двух корней в раннесреднеанглийский период.

Ключевые слова: заимствование, этимология, языковые контакты, семантика, архаизация.

*Morphological features of the English word **leman** contradict to its etymological interpretation, which categorizes it as a compound native word. Its semantic and phonetic similarity with the Ossetic word *лымæн* / *лутæн* give solid ground for classifying it as a direct loan from the Iranian language. The geographical proximity of the Sarmatians-Alans and the Teutons on the continent, the union of the speakers of Iranian and Germanic languages for numerous military campaigns and expeditions could not but lead to a multi-level mutual influence of these languages in the period of antiquity and the early Middle Ages. This accounts for the fact, that some phenomena should be viewed not in the context of the genetic relatedness of these Indo-European languages, but in the light of their later language contacts. The phonetic and semantic similarities between the Ossetian *лымæн* / *лутæн* and the English lexeme *leman* in the absence of parallels in other Indo-European languages prompt to regard this fact as separate borrowing. The greater age of the Ossetian lexeme, its wider semantic volume, historical data on the time and forms of the contacts between the ancestors of the speakers of both languages indicate the possibility of borrowing by the English language of the word *leman* from the Sarmatian, Alanian. Moreover, a serious argument in favor of the borrowed character of the English word *leman* is a violation of the usual morphological rules for words with the word-formation element *-man* and the development of the regular plural form: *lemans*. This fact contradicts with the traditional interpretation of the word *leman* as a result of the composition of two roots in the early Middle English period.*

Keywords: loans, etymology, language contacts, semantics, archaizing.

Генетическая общность лексического фонда и языковые контакты в уже историческое время делают достаточно плодотворными сравнительно-сопоставительные исследования с привлечением материалов осетинского и английского языков. У английского, самого географически отдаленного из языков западногерманской подгруппы от остальных европейских языков, наибольшее количество устанавливаемых изоглосс с иранскими. В.И. Абаев писал об особенностях осетинского языка, о его обособленном положении среди иранских языков, о следах древних контактов со славянами, балтами и германцами, о схождениях в лексике, фонетике и даже грамматике, которые невозможно объяснить только индоевропейским родством рассматриваемых языков, называя эти черты скифо-европейскими изоглоссами. Эти общие приобретенные черты обусловлены тем, что «контакты скифо-сарматских племен с германскими были продолжительными и тесными» с III в. до н.э. до гуннского нашествия, до конца IV в. [1, 385].

Хронологические рамки условий для вторичной конвергенции рассматриваемых языков, как нам представляется, можно раздвинуть с учетом сложных, в виду не до конца исследованного характера, сармато-аланских связей с германскими языками. Необходимо уточнение условий и времени и амплитуд конвергентных и дивергентных отношений, языковым свидетельством первых является наличие сепаратных изоглосс, к которым, на наш взгляд, можно отнести осетинское *лымæн / лутæн* и английское *leman*.

Высокая вероятность наличия особенных отношений между осетинской и английской лексемой обусловлена их практически абсолютным фонетиче-

ским подобием и семантическим сходством.

Представляется маловероятным считать осетинское *лымæн* «друг», «приятель», «любовник», «любовница» и английское *leman* «возлюбленный», «любовник», «любовница» результатом случайного совпадения.

Также следует отвергнуть и точку зрения о развитии единого протокорня. Для того чтобы считать их рефлексамии одного общеиндоевропейского корня, недостаточно данных только двух языков. Помимо того, что слово *leman* не отмечено в других германских языках, оно не представлено в древнеанглийский период развития языка, что не позволяет считать его унаследованным от общегерманского фонда.

Наряду с приведенными интерпретациями следует отвергнуть и допущение о возможном совпадении результатов независимого словосложения по словообразовательной модели продуктивной для обоих языков и с помощью общих для них обоих корней: **ly+*man*, как и допущение о том, что тождественность рассматриваемых лексем является следствием опрощения **friymana* в осетинском и *leof-man* в английском.

Гипотетически, независимая и параллельная деривация в разных языках могла привести к абсолютно одинаковому результату, но даже развитие общего корня в различных языках, как правило, сопровождается серьезными фонетическими и семантическими трансформациями.

На наш взгляд, данное явление можно рассматривать как безусловный пример прямого сепаратного заимствования, вектор которого достаточно очевиден – из иранского (аланского, сарматского) языка в германский (английский) язык.

Сравнение фонетического облика осетинского [lɛmʌn] и английского [lɛ:mən, lɪ:mən] дает основания полагать, что по акустическим и артикуляционным характеристикам фонемы осетинского и английского слов максимально близки, «такая фонемная субституция всегда имеет место при прямом заимствовании» [2, 532].

В данном случае различается только место ударения, т.к. в отличие от английского *leman* в осетинском слове ударным является второй слог *lɛmʌn*, но это согласуется с общегерманской рецессивной тенденцией, в соответствии с которой абсолютное большинство заимствований из негерманских языков пережили изменения акцентной структуры в английском языке. Таким образом, перенос ударения на первый слог при фонетической ассимиляции слова в английском языке естественен, мог повлечь за собой перераспределение количественных характеристик гласных обоих слогов и изменение качества гласного второго слога, что является типичным примером редукции гласного в безударной позиции.

Наряду с фонетическим подобием необходимым условием установления факта заимствования является степень семантической близости между словами. С точки зрения семантики различия между двумя рассматриваемыми лексемами сводятся к количеству сем. Подвергнувшееся архаизации в процессе развития английского языка слово *leman*, в настоящее время имеющее ограниченный характер употребления, лексикализируется как «возлюбленный(ая), любимый(ая), любовник(ца)» (a sweetheart, lover or gallant, whether male or female, also a concubine) [3, 310].

Современное осетинское *лымæн* / *lɛmʌn* имеет значения «друг, товарищ», «приятель»; а также «любовник, любов-

ница». Данные семы в определенных контекстах могут служить основанием для оппозиции – дружба vs любовь, однако в терминах семантического развития их наличие в одном семантическом объеме не может рассматриваться как энантиосемия и представляется вполне естественным, т.к. оба передают межличностные отношения индивидуально-избирательного характера, основанные на взаимной симпатии.

Анализ семантических объемов показывает, что у английского *leman* нет значения «друг», «товарищ», тогда как абсолютно совпадающими следует считать значения «любовник», «любовница». Семантическая неконгруэнтность разбираемых лексических единиц не противоречит нашей гипотезе. Известно, что любая полисемичная языковая единица заимствуется лишь в одном из ее значений, регулярность семантического сужения при заимствовании в большинстве случаев является индикатором направления заимствования. С другой стороны, в данном случае моносемность английского слова могла быть обусловлена хронологическим фактором. Непервичность данного значения осетинского слова могла обусловить то, что подобный семантический сдвиг в это время еще не имел места, и неэтимологическое неисходное значение «друг» не развилось в языке-доноре к периоду его заимствования.

Первичным значением слова *лымæн*, согласно данным этимологического анализа, должно было быть «возлюбленный», «любимый», тогда как в современном осетинском языке лексема чаще употребляется в значении «друг», «товарищ», «приятель». Возможно, перераспределение иерархии сем в его семантическом объеме произошло до этапа образования от него абстрактных понятий, т.к. его производные употре-

бляются только в значении «дружба» и не предидируют «любовь». Достаточно большое количество (три) моносемных и абсолютно синонимичных слов, образованных различными средствами деривации – *lymænad*, *lymændzinad*, *lymæniwæg* – свидетельствует о важности данного понятия для социума.

Доминантная сема «друг» слова *лымæн* нейтрализуется, если референт противоположного пола. В таком контексте слово следует считать достаточно нейтральным, но прозрачным намеком на адюльтер и внеаритальные отношения между субъектами, осторожным, т.к. оно не развивает оценочных коннотаций.

Более этимологической представляется сема «любимый», т.к. В.И. Абаевым слово возводится к медиальному иранскому причастию *friymana* > **fri* 'любить', дающего подробное описание фонетического развития *li-* из **fri-*, против которого никаких принципиальных возражений быть не может. «Развитие **fri-li*: закономерно: начальный *f* перед *r* отпал, как в провербе *ræ* из *fra-* или в *rag* из *frak-*, *rong* из **franaka*; *r-l I allon* из *aryana*, *malyn* из *marya-*. База **pri* в значении «любить», «дружить» и пр(о-чих) хорошо представлена в арийских и других и.е. языках» [4, 55]. Среди приводимых в словарной статье остальных родственных лексем с подобным звуковым комплексом *man-* отмечены древнеиндийское *priyamana* 'дружественный' и *preman* 'любовь'. В первом случае могло иметь место образование прилагательного от производящей основы существительного «друг». Во втором случае, семантический шаг так же достаточно очевиден: чувство < объект чувства / любовь < любимый.

Соглашаясь с интерпретацией инициального звукового комплекса *ly-*, позволим себе предложить альтерна-

тивную интерпретацию относительно второго элемента. На наш взгляд, возможно, данное слово *lymæn* – не субстантивированная глагольная форма, а сложное слово *ly-mæn*, первый элемент которого описан в Историко-этимологическом словаре осетинского языка, тогда как второй элемент *mæn-* является рефлексом индоевропейского корня *man-*.

Приводимое последним в словарной статье *lymæn* значение «любовница», т.е. лицо женского пола, не противоречит основному значению корня – «человек», «мужчина». Нейтрализация пола могла происходить вследствие того, что корень деэтимологизирован в осетинском, кроме того он и в других языках также употребляется для номинации лиц обоих полов. А т.к. грамматически в осетинском языке род биологический никак не оформляется, то все осетинские лексемы, не содержащие прямого семантического указания на пол референта, амбивалентны.

Подходы к данному осетинскому слову как сложному уже имели место, и разночтения в существующих гипотезах касаются и первого, и второго элемента. Наиболее близкой к нашей интерпретации второго элемента является гипотеза о его развитии из **aryaman* [5, 55]. Тогда как Я.Харматта возводит к **friya-manah* «имеющий дружественный (*friya-*) дух (*manah-*)» [6, 302]. Данная точка зрения ближе к гипотезе В.И.Абаева, но последний отвергает ее (некатегорично) на том основании, что «в этом случае ожидали бы скорее **limon*; *dælimon*, *wælimon*» [4].

Установленным фактом распространения данного корня считается проникновение скифского *liman* в мордовский, [4, 54-55], где в форме *loman* оно приобретает значение «человек», претерпевая семантическую генерализацию.

Данный факт свидетельствует о значительном возрасте осетинской лексемы, тогда как английское *leman* традиционно рассматривается как результат словосложения, имевшего место в среднеанглийский период развития языка.

У А. Либермана слово *leman* приводится для иллюстрации в разделе о “disguised compounds” – «замаскированных сложных словах» [7], т.е. словах, фонетически и морфологически видоизменившихся настолько, что либо на синхронном уровне они не идентифицируются как сложные, либо изменения его компонентов не позволяют опознавать составляющие его корни.

Leman с достаточно редким среди этимологов единодушием, обычно свидетельствующим об очевидности генеалогии и об отсутствии альтернативных гипотез, возводят к среднеанглийскому *lemman*, известному с XIII в., от более прозрачной формы *leofman*. Данная форма позволила этимологизировать структурные элементы сложного слова как древнеанглийские корни *leof* ‘дорогой’ (*dear*) (современно английское *liefe*) и *man* ‘человек’ (*human being, person*) [8]: *leof-man* > *lemman* > *leman*. *Leofman* в таком случае развивается по фонетической аналогии с *wif-man* < *woman* с потерей согласного *-f-* перед сонорным.

Но в случае допущения о заимствованном характере лексемы следует признать медиальный лабиальный согласный *-f-* эпентетическим, появившимся на морфемном шве именно из-за аналогии с *wifman*, а искажение слова – примером народной этимологии. В таком случае форма **leofman* скорее реконструкция, а не реальный этимон.

Наличие параллельных форм в среднеанглийском и ранненовоанглийском – *leaman*, *letman*, *lemmane*, *leman* (XIII-XVII вв.), *leton* (XV-XVI вв.) – не является исключительным явлением,

присущим данному слову, а отражает активные фонетические процессы, имевшие место в языке, и также общую ненормированность правописания в указанный период.

Единственной альтернативой существующим этимологиям, допускающей неисконность *leman*, следует считать мнение Н. Бейли и У. Туна о романском происхождении данного слова от французского *l'aimante* [9; 3, 310].

На наш взгляд, главным аргументом в пользу заимствованного характера *leman* является парадигма склонения данного слова.

Как известно, у самого *man*, как и у всех производных, где данный корень выступает в качестве второго / последнего элемента, специфическое образование множественного числа существительного корневой основы при помощи внутренней флексии: *man-men*. Независимо от пола референта слово изменяется при помощи чередования корневой гласной. Даже более того, во множественном числе *women*, палатальной перегласовке подвергается (вернее, с точки зрения диахронического анализа: *woman* > *wifman*, сохраняет более историчное качество) и гласный первого слога [wʊmən] – [wɪmɪn]. Тем более необъяснимо, что слово *leman*, проделав тот же фонетический путь утраты согласного, что и *wifman* ‘женщина’, пройдя собственной морфологической дорогой, приобрело множественное число *leman-s*. Данное явление не характерно для случаев словосложения с корнем *man-*. Парадигма образования множественного числа данного слова не подверглась изменениям с момента его фиксации в языке.

Как и в случае вариативности форм единственного числа, во множественном числе слово встречается по крайней мере в пяти графических вариантах:

lemans / lemmans / lemmanes / lemons / lemons.

Однако все зарегистрированные примеры образования множественного числа неизменно обнаруживают формант *-s*, тогда как не отмечено ни одного случая с перегласовкой корневого гласного **lemen / *lemmen*.

Существительное *man* 'человек, человеческое существо' в среднеанглийском продолжало использоваться в качестве второго элемента сложных слов еще более интенсивно, чем в древнеанглийский период. С помощью основы было создано столько сложных слов, что некоторые ученые говорят о ее превращении в словообразовательный суффикс [10, 280]. Однако независимо от степени суффиксированности данного элемента в парадигме склонения других слов с компонентом *-man* таких случаев не отмечено.

Представляется маловероятным, что могло развиваться регулярное множественное у слова, не отличавшегося высокой коммуникативной востребованностью, тогда как процесс аналогического выравнивания не затронул высокочастотные лексемы *man*, *woman* и другие. Объяснить избирательную «правильность» морфологической «податливостью» и «гибкостью» данного корня в отдельно взятом слове нет оснований, однако данное обстоятельство позволяет полагать, что либо это другой корень, либо результат заимствования слова со словообразовательными элементами, известными и языку-донору, и языку-реципиенту.

Влияние омофоничного *leman* [lɛmən] слова *lemon* [lɛmən] – 'лимон', арабского корня *laymūn / limūn* от персидского ليمون، ليمون *limūn*, также появившегося в среднеанглийский период через французский и с которым *leman* различается только графически, исклю-

чено. К моменту заимствования цитрусового плода в 1350–1400 гг. формы множественного числа *lemans / lemons* «любимые», «друзья» уже были отмечены [11]. А то, что у него такая же форма множественного числа, как и у слов, появившихся в языке в период, когда продуктивной словоизменяющей моделью было прибавление *-s* к основе существительного, позволяет предполагать его иноязычное происхождение. Это подтверждается заимствованиями из разных языков, помимо приведенного выше *lemon*, заимствованного из арабского, греческого корня *demon* – соответственно, формы множественного числа *lemons, demons*.

Основанием считать *leman* не собственно английским позволяет то, что в заимствованиях, содержащих такой же звуковой комплекс *-man* в исходе слова, множественное число **-men* с чередованием гласного не отмечается. Так, *toman*, заимствованное при посредстве персидского монгольское обозначение денежной единицы, или тюркское *dolman*- название вида одежды в турецком, имеют формы *tomans* и *dolmans*, соответственно. Также завезенный португальскими и испанскими колонистами в Европу XVI в. кайман (карибское? африканское?), название которого стало зоонимом-интернационализмом для стран Старого Света, в английском языке имеет два орфоэпических варианта *caiman / cayman* и получило форму регулярного множественного *caiman-s / cayman-s*.

Это может говорить о том, что данный комплекс *man*- не воспринимается как часто воспроизводимый элемент словосложения, потому что приведенные слова номинируют элементы материальной культуры либо животных. Но в словаре английского языка есть по крайней мере несколько существитель-

ных, факт заимствования которых не подвергается сомнению и в пресуппозиции которых есть значение 'человек'. Два из этого списка носят выраженный культурно- и историко-специфичный характер – *hetman, ataman*. Данное обстоятельство, как и факт их недавнего проникновения в язык, могли обусловить их не-вхождение в парадигму склонения слов с автохтонным корнем *man*: соответственно – *hetmans, atamans*. Как показывает пример *human-humans*, стаж функционирования и общий характер семантики не влияют на степень морфологической натурализации заимствованных слов.

Интересно, что и два известных и давних заимствования *Roman* и *German* также не воспринимаются как построенные по словообразовательной модели большинства этнонимов. За многовековую историю их существования тенденция аналогического выравнивания не коснулась их, и они не уподобились другим композитным этнонимам – *Frenchman – Frenchmen; Dutchman – Dutchmen*, в отличие от которых аллохтонность *Roman* и *German* подчеркивается формами множественного числа – *Roman-s, German-s*.

В ряду этнонимов хотелось бы обратить внимание еще на *Norman*, про который, в отличие от приведенных выше «римлянина» и «германца», достоверно известно, что второй элемент сложного слова восходит к общеиндоевропейскому корню *man-*, но, поскольку деривация имела место не в самом английском, то в рецепирующий язык слово приходит как готовый компаунд, и его множественное число также строится по модели заимствований – *Normans*.

Подобно *Norman*, слово *leman* могло пройти стадию словосложения в языке-доноре, что объясняет, почему, даже обладая такой прозрачной струк-

турой, оно склоняется не по правилам английского словоизменения.

Как правило, морфологически сложное заимствованное слово при переходе в новый язык подвергается опрощению и воспринимается в этом языке как простое и непроемное [2]. В данном случае морфологическое опрощение могло не иметь место, т.к. выделение составляющих заимствованного слова облегчается тем, что для заимствующего языка *-man* является часто повторяющимся словообразовательным элементом, востребованным при словосложении слов, предсказывающих человека.

Leman, архаичное в качестве нарицательного существительного, функционирует как достаточно распространенная фамилия, этимологизируемая таким же образом, что и нарицательное существительное, и представленная даже большим количеством вариантов: *Loveman, Lowman, Luffman, Leamon, Leeman, Lemmon, Lemon and Limon*. Наиболее ранними носителями имени / фамилии *Leman*, зарегистрированными в Domesday Book в 1086 г. были William *Luveman*, Aumfridus *Leofman*, в 1221 г. в Assize Court Rolls of Worcestershire; а также некий William *Lemmon*, в записи за 1275г. [12].

Сравнение дат фиксации *leman* в качестве нарицательного существительного (1200г.) и в качестве фамильного имени (1086 г.), тем не менее, не может дать определенного ответа на вопрос, могло ли слово развиваться из антропонима. Мог иметь место обратный процесс – антропонимизация слова, либо их независимое параллельное развитие.

Но даже в случае, если функционирование в качестве антропонима предшествовало нарицательному употреблению корня, маловероятно, что парадигма склонения фамильных имен могла повлиять на парадигму склоне-

ния нарицательных существительных. Подобных случаев не отмечено, а наречение данным именем не носило столь массового характера.

Таким образом, собственно лингвистические – фонетические, морфологические, семантические – параметры английского слова могут свидетельствовать в пользу заимствованного характера *leman*. Самый уязвимый момент подобной интерпретации – экстралингвистический: наличие хронологической лакуны между временем его вероятного заимствования и его фиксацией в языке. Согласно историческим данным, контакты между носителями данных языков должны были иметь место в раннедревнеанглийском, но в словарях англо-саксонского периода оно не зафиксировано, в частности, его нет в *Anglo-Saxon Dictionary* Босуорта-Толлера [13]. Факт позднего проникновения слова *leman* в английский язык входит в некоторое противоречие с нашей гипотезой, тогда как его позднее появление убедительно можно объяснить его производным характером, и при активности английского словосложения оно могло иметь место на любом этапе развития языка. В качестве контраргумента стоит отметить, что большинство древнеанглийских литературных памятников было написано на уэссекском и мерсийском диалектах, т.е. из северных диалектов слово могло еще не распространиться в центр и на юг и не попасть в древнеанглийские источники. Также не исключено посредство скандинавских языков, вероятность которого невысока ввиду непредставленности слова в северогерманских языках, но, с другой стороны, они могли утратить его в процессе языкового развития. Возможная трансляция *leman* через северогерманские языки снимает проблему его хронологизации. И в том, и в

другом случае представляется, что заимствование должно было иметь место ранее XIII в., но слово не было зафиксировано ввиду разрыва письменной традиции после норманнского завоевания с середины XI в.

В словарях современного английского языка слово *leman* лексикализуется с помощью слов *paramour*, *gallant*. Словарные статьи всех трех слов снабжены пометой «архаичное», что свидетельствует о недолговечности не только слова *leman*, но и всей лексико-семантической группы. В настоящее время слово относят к поэтизмам, представляющим собой неоднородный пласт слов современного английского языка, включающий и архаизмы, которые оживляются поэтами в особых стилистических заданиях, «например, использование таких слов, как *whilome*, *ne*, *leman* и многих других в первых строфах первой песни “Чайльд-Гарольда”» [14, 62]. Обращает на себя внимание, что в художественных текстах слово встречается и в форме единственного (*leman*, *lemman*, *lamen*), и в форме регулярного множественного числа (*lemans*, *lemmans*).

В отличие от осетинского *lymaen* английское слово развивает негативные оценочные коннотации.

Следует отметить, что в среднеанглийском слово могло применяться для номинации людей обоего пола, что не противоречит мнению об исходной гендерной нейтральности *man*, хотя со временем более частотным стало употребление *lemman* по отношению к референту-женщине в нарушение соответствия между семантикой пола и грамматическим родом.

О достаточной ассимилированности слова в рамках новой для него языковой системы свидетельствует его деривационное гнездо – в течение среднеанглийского и ранненовоанглийского

периодов слово имело суффиксальные производные *leman-ry*, *leman-less*. Оба деривата содержат форманты словообразовательной системы английского языка.

Таким образом, появившееся в среднеанглийском слово уже пережило зенит своей языковой популярности вместе с практически всеми членами своего среднеанглийского синонимического ряда, заимствованный либо поэтический характер которых уравнивал их невысокие шансы на выживание. Возможно, их оттеснили исконное и

мотивированное *lover*, романтично-эффеместичное *sweetheart* и заимствованное *mistress*.

На возможность заимствования английским языком слова *leman* из аланского указывают высокая степень фонетического и семантического сходства между ним и осетинским *лымæн* / *lymæn*; о его неисконности в английском свидетельствует поздняя фиксация его в словаре и, главным образом, нарушение узального морфологического регламента и развитие регулярной формы множественного числа.

-
1. Абаев В.И. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965.
 2. Мухин С.В. Соотношение понятий ассимиляции и натурализации заимствований // Теория и практика лексикологических исследований: Вестник МГЛУ. 2007. Вып. 532. С. 140-148.
 3. Тооне W. A Glossary and Etymological Dictionary of Obsolete and Uncommon Words. London, 1884.
 4. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М., 1973. Т. 2.
 5. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.
 6. Harmatta J. Studies on the history of the Sarmatians. Acta Universitatis de Attila József Nominatae. Szeged, 1970. Tomus XIII.
 7. Liberman A. The Deceptive Transparency of Compounds [электронный ресурс]. URL: <http://blog.oup.com/2009/08/compounds>
 8. Dictionary by Merriam-Webster: America's most trusted online dictionary [электронный ресурс]. URL: <http://www.merriam-webster.com>
 9. Bailey N. An Universal Etymological English Dictionary. London, 1726.
 10. Аракин В.Д. Очерки по истории английского языка. М., 1955.
 11. Random House Unabridged Dictionary. London, 2006.
 12. Domesday Book: A Complete Translation. London, 2003.
 13. Bosworth J., Toller T.N. An Anglo-Saxon Dictionary: Based on the Manuscript Collections of Joseph Bosworth. London, 1838.
 14. Гальперин А.И. Очерки по стилистике английского языка. М., 1958.